

С совсем другими принципами системы терминов родства мы встречаемся у многих индейских и полинезийских племен. Так, у ирокезского племени Сенека в старшем поколении (поколении отца) различаются родственники по отцу и по матери, но не различается прямое и боковое родство: один и тот же термин обозначает отца и всех дядей (родного, двоюродного и т.д.) по отцовской линии, другой объединяет мать и всех теток по материнской линии, отдельное обозначение существует для всех теток по отцовской линии [4: 65]. У австралийского племени яральде термин «майа» означает и деда по отцу и внука или внучку по сыну, «нопа» – и старшего брата отца и сына младшего брата.

Необходимость исследования феномена родства в широкой социокультурной перспективе определяется социальным характером функций сферы родства, ее культурной обусловленностью. Сфера родства не ограничивается лишь «фактами» рождения и брака. Родство представляет собой процесс определения человеком своей сущности как части человеческого рода, протекающий на протяжении всей его жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ганцкая О.А. Польская семья: опыт этногр. изучения / Отв. ред.: Смирнова Я.С., Токарев С.А. – М.: Наука, 1986. – 177 с.
2. Григоровский С. О родстве и свойстве. – СПб.: Типография СПб. Тов-ва «Труд», 1907. – 213 с.
3. Дзибель Г.В. Поколение, возраст и пол в системах терминов родства: опыт историко-типологического исследования: Дисс. ... канд. истор. наук. – СПб., 1997. – 349 с.
4. Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семантика. – М.: Наука, 1998. – 824 с.

Е.А. Пигаркина

ПАРАДОКС И АНТИНОМИЯ: ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ ПЕРЕСЕКАЮТСЯ?!

В метаописательной литературе очень часто встречаются случаи синонимичного употребления терминов *парадокс* и *антиномия*, как бы по «традиции», без попытки осмыслить существующие отличия. Однако, когда мы говорим о разграничении сфер действия антиномий и парадоксов, возникает закономерный вопрос. Если реконструкция наиболее значительных семантических парадоксов происходит в форме антиномий, то зачем «удваивать термин»? Может стоит согласиться, что в случае теоретических затруднений такого рода мы имеем дело именно с антиномиями, поскольку и структура и отражение содержательного противоречия подобных ситуаций полностью укладывается в понятие антиномичности? Интересно, что Х. Карри, категорически настаивая на тождественности понятий антиномии и парадокса, указывает, что существуют парадоксы «в широком смысле слова» [5: 20–25], а А. Френкель и Й. Бар-Хиллел даже проводят последовательную иерархию в классификации антиномий, включая в нее как традиционные теоретико-множественные затруднения, так и антиномии в их логико-гносеологическом статусе [11: 17–23].

Принципиальные отличия. Необходимость в различении антиномии и парадокса очевидна. Антиномия есть номинальное противоречие, содержащееся в самом понятии метаязыка, парадокс – некоторое рассуждение, необходимое для того, чтобы прийти к противоречивым выводам. В этом случае только языковые и есть суть парадоксы, остальные же – антиномии. Антиномии возникают из некорректного использования определений метаязыка в языке. Парадоксы возникают из неоднозначного (неокончательного или неясного) разрешения проблемы выбора обращения к эмпирической реальности или автономной языковой реальности.

Представляется, что те исследователи, которые не отождествляют антиномии с парадоксами, занимают более последовательную позицию. Как пишет В.С. Библер, «живая вода парадокса обновляет творческую силу разума..., позволяет увидеть скрытые резервы антиномичности исходного предмета познания» [1: 213]. Вполне очевидно, что идея парадоксальности является идеей более широкой, обобщенной, нежели те конкретные следствия, которые проистекают из концепции антиномий языка или текста.

Решающим здесь может считаться вопрос о том, каким образом исследователи, посвятившие свой талант анализу антиномических затруднений лингвистического ряда, оценивают роль антиномий сегодня. Весьма показательна в этом смысле точка зрения Г.Х. фон Вригта. «Антиномии не являются результатом ложного рассуждения. Они являются результатом правильного заключения из ложных посылок. И их общая характеристика, по-видимому, состоит как раз в том, что только результат, а именно парадокс, заставляет осознать их ложность» [3: 449–482].

Весьма продуктивной можно считать точку зрения Г.Л. Тульчинского. Соглашаясь с одним из авторов концепции «наивной семантики» Х. Херцбергером по поводу неутешительных результатов попыток «изгнать» антиномии и парадоксы из познания, он пишет, что «первостепенная задача должна заключаться не в попытках искать и изгонять противоречия и парадоксы или же "решать" их с помощью все более хитроумных специальных технических приемов, а в попытке "спокойного" рассмотрения парадоксов, выявления их внутренней логики, механизмов и принципов. Другими словами, необходим анализ того, как язык порождает противоречия» [10].

Следует отметить, что существует достаточно апробированный критерий различения парадоксов и антиномий, который почему-то редко применяется на практике. «Объем» парадоксальной ситуации включает в себя все те проблемы, в которых речь идет о принципиальном несоответствии разных уровней познания, например, эмпирического и теоретического, рассудочного и разумного. «Парадоксальность» как раз и оказывается самой обобщенной характеристикой несоответствия такого рода. В случае же антиномической ситуации речь, как правило, идет о несоответствии проблемных тезисов (т.е. тезиса и антитезиса) одного уровня. Несовпадение между ними характеризует не осмысленную на данном этапе ситуацию внутри либо теоретического, либо эмпирического знания (либо «практического», либо «чистого» разума).

Антиномии, возникающие в языке, как правило, оцениваются как принципиально дискретные образования, поскольку речь в них идет об определен-

ной словесной конструкции, с трудом могущей претендовать на адекватное выражение непрерывности мыслительного процесса. Однако в реальном языковом пространстве это неудобство редко является камнем преткновения, принципиально непреодолимой ступенью. Подтверждение этому мы находим в конкретных лингвистических исследованиях, для которых «языковая игра» с антиномическими проблемами оказывается весьма продуктивным элементом смыслообразования и смыслопорождения.

Антиномия – категория гносеологическая, это особый принцип и прием познания, один из важнейших способов приближения к истине. Парадоксальное же – онтологично. Независимо от сознания воспринимающего субъекта в мире происходят парадоксальные события, люди совершают парадоксальные поступки, и в целом в ходе истории и эволюции много парадоксального.

Тем не менее, говоря о языковой технике построения парадокса, необходимо отметить, что в основе парадокса – противопоставление (Nowadays all the married men live like bachelors and all the bachelors live like the married men [14]).

В работе «Антиномия» Л.А. Грузберг отмечает, что «обычно сопоставляются вещи абсолютно противоположные, например: внутренняя цельность – противоречивость, многоликость – безликость, неизменность – изменчивость, одинаковость – своеобразие, предельность – беспредельность. Традиционно понимая под антиномией сочетание двух взаимопротиворечащих суждений об одном и том же объекте, каждое из которых истинно относительно этого объекта и каждое из которых допускает одинаково убедительное логическое обоснование, подчеркнем, что антиномичное суждение есть результат особого осмысления реальности и реалий, особого взгляда на объект и мир в целом – как на единство, гармонию противоположностей, как на целое, целостность которого не только не разрушается, а, напротив, обеспечивается взаимодействием противоположных составляющих» [4]. Антиномичность непременно сопряжена с нетривиальностью, нестандартностью восприятия, осмысления и оценивания всего сущего и происходящего (вспомним пушкинское «И гений – парадоксов друг»), т.е. антиномия парадоксальна по своей сущности. Как отмечает Лакофф, парадоксальность всегда возникает «при попытках объяснить гармонию противоположных начал» [7].

Главное отличие антиномии и парадокса состоит в том, что антиномия не дана нам в непосредственном опыте, она не воспринимаема органами чувств, с ней не соотнесены никакие реалии, события, предметы. Антиномия – результат работы мысли, особого, нестандартного осмысления действительности, особого взгляда на мир. Антиномия «материализуется» только в вербальной форме, в виде суждения, умозаключения, высказывания (реже – в словосочетании и даже в слове: печальное веселье, трагикомедия, светотень и т. п.) [4].

Суть парадокса. Языковые парадоксы возникают в вербальном языке, и их проблематика и основания находятся не в какой-либо науке, а в самом эмпирическом опыте, ретранслированном в вербальный язык в виде парадокса. В связи с этим при интерпретации парадоксов возникает проблема зависимости метаязыка от эмпирического опыта. С тех самых пор, когда наука сталкивается с необходимостью вырабатывать метаязык для своих нужд, она сталкивается с проблемой отношения метаязыка к реальности языковой и реальности эмпи-

рической. Отсюда появляется возможность существования парадоксов, и рано или поздно их кто-нибудь да обнаруживает [6]. Термин «парадокс» и его дериваты «парадоксальность» и «парадоксальное» принадлежат к особым единицам: в истории их бытования с удивляющей отчетливостью отразилась эволюция человеческого мировидения, интеллектуальной деятельности, мышления и рефлексии.

Парадокс строится с помощью языковых средств, следовательно, формирование эффекта парадоксальности основано на мышлении автора и читателя, так как язык и мышление связаны между собой самым непосредственным образом. Причем парадокс позволяет проявить всю неординарность мышления автора, поэтому парадоксальное высказывание отличается оригинальностью.

Оригинальность затрагивает как план порождения парадокса, так и план его восприятия. В плане порождения проявляется умение автора видеть связи между предметами, которые традиционно считаются несовместимыми, и, наоборот, увидеть и заострить различия между близкими и в каком-то отношении связанными явлениями. План восприятия заключается в том, что психологической основой понимания парадоксального высказывания является нарушение у читателя определенного стереотипа, выработанного на основе прошлого опыта и служащего для него в известной степени нормой, т.е. возникновение состояния замешательства [9].

В исследовании когнитивной природы парадокса согласно теории Карла Гросса, центральным моментом которой является утверждение, что состояние замешательства позволяет нам пережить явления комического, в том числе и парадокс, выделяются три стадии осознания парадокса: 1) момент ошеломления, вызванного нелепостью, 2) промежуточное состояние, длящееся с момента, когда нелепость обнаружена, 3) веселое настроение, наступившее как результат окончательного выявления несообразия [8].

С опорой на семантическую классификацию парадоксов, изначально предложенную Н.Ю. Шпекторовой [13], выделяют следующие группы парадоксов.

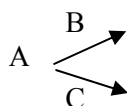
1. Парадоксы, образованные антонимичными словами или словосочетаниями, которые становятся синонимичными на основе приписываемого им общего признака выраженного с помощью глагола;
2. Парадоксы, возникающие в результате нарушения основного закона семантической сочетаемости слов;
3. Парадоксы, появляющиеся на основе противоречия между семантикой оценочного прилагательного (или существительного) и содержанием оценочного высказывания;
4. Парадоксы, основанные на несоответствии семантического объема сочетаемых слов;
5. Парадоксы, в которых два лексико-семантических варианта полисемантического слова, находясь в некоторой близости друг к другу, реализуют свои значения.

Восприятие и понимание. В восприятии парадокса существенную роль играет момент внезапности, который главенствует в парадоксе. Неожиданно и вдруг происходит осознание превосходства по отношению к объекту, в силу

чего возникает определенная реакция и осмысление неожиданного и верного наблюдения. В этот момент происходит «самоудовлетворение познания». Понимание смысла парадокса опирается на способность реципиента восстанавливать нарушенные причинно-следственные связи, когда следствие, вывод не вытекают из посылки, условия.

Выделяются три схемы понимания парадокса, которые основываются на функционировании когнитивных, логических связей.

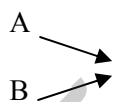
Схема 1: общая основа

В и С – противоположные истины.

Пример: Lord Goring: Life is never fair, Robert. And perhaps it is a good thing for most of us that it is not [14]. Интерпретация парадоксального утверждения того, что несправедливость жизни – благоприятное явление для многих людей, строится по определенной схеме, в которой из одного утверждения выводятся две противоположные истины. Изначальная предпосылка: всегда несправедлива. Первая истина – это хорошо для многих из нас. Вторая истина – она несправедлива не для всех, но для многих.

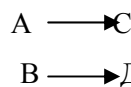
Схема 2: общий результат

А и В – противоположные истины

Пример: Algeron: Oh! There is no use speculating on that subject. Divorces are made in Heaven [14]. Ироничное парадоксальное замечание того, что разводы свершаются на небесах, содержит в себе ссылку на поговорку: Marriages are made in Heaven. Понимания смысла авторского выражения зависит от знания читателем данного выражения. Обыгрывание фразеологического высказывания помогает автору установить тесный контакт реципиентом, базируясь на стимулировании рефлексии.

Схема 3: параллельная

А и вывод С противоречат по смыслу
В и выводу Д

Пример: If you pretend to be good, the world takes you very seriously. If you pretend to be bad, it doesn't. Such is the astounding stupidity of optimism [14].

Современная герменевтика говорит об исключительной эффективности познавательных функций парадокса. Он побуждает к рефлексии и предоставляет возможность более глубокого понимания проблемы, что является целью и конечным результатом познания [2]. Парадокс в тексте всегда совершает какое-либо неожиданное открытие для сознания, обнажает проти-

воречивость близких друг другу явлений, указывает на сходство вещей далеких и обнаруживает неожиданные качества в явлениях хорошо знакомых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библер В.С. Мышление как творчество. – М.: Политиздат, 1975. – 400 с.
2. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. – http://pall.hoha.ru/learn/bogin_bible/0.htm
3. Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования: Избр. труды. – М.: Прогресс, 1986. – 512 с.
4. Грузберг Л.А. Антиномия // Филолог.–Пермь: Литература, 2003.– № 2.– С.33–34.
5. Карри Х. Основание математической логики. – М.: Мир, 1969. – 568 с.
6. Костюк В.Н. Парадокс: логико-системный анализ // Системные исследования. – М.: Культура, 1980. – С. 344–357.
7. Лакофф Дж. Прагматика в естественной логике // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 439–471.
8. Тармаева В.Д. Когнитивная природа фразеологического парадокса в английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1997. – 20 с.
9. Темяникова Э.Б. Когнитивная структура парадокса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – 25 с.
10. Тульчинский Г.Л. «Новые» теории истины и «наивная» семантика // Вопросы философии. – М.: Наука, 1986. – № 3. – С.27–32.
11. Френкель А., Бар-Хилел Й. Основания теории множеств. – М.: Мир, 1966. – 555 с.
12. Флоренский П.А. Антиномия языка // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1988. – № 6. – С.98–103.
13. Шпекторова Н.Ю. К вопросу о литературно-художественном парадоксе (на материале произведений Оскара Уайльда) // Вопросы лексикологии, лексикографии и стилистики романо-германских языков. – Самарканд: Изд-во СамГУ, 1975. – С. 218–225.
14. Wilde O. Selections. – М.: Прогресс, 1979. – 138 с.

Д.С. Смирнова

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ АФАНАСИЯ НИКИТИНА

«Идентичность» как сложное и многоуровневое понятие плотно вошло в обиход теории межкультурной коммуникации. Этот термин выражает идею постоянства, тождества, преемственности индивида и его самосознания, и «обеспечивает способность ощущать себя обладающим непрерывностью и тождественностью, и поступать соответственно [4: 74]. Суть культурной идентичности заключена в осознанном принятии человеком соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимании своего «я» с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого общества.

«Хождение за три моря Афанасия Никитина» повествует об опыте межкультурной коммуникации, полученном тверским купцом в период трехгодичного пребывания в Индии, и представляет собой немалый научный интерес в